

АНДРЕЕВ Н. Д., СУНИК О. П.

О ПРОБЛЕМЕ РОДСТВА АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ И МЕТОДАХ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Материальная и типологическая общность алтайских языков, выявленная языковедами-алтаистами, относится ко всем сторонам структуры этих языков — фонетике, морфологии, синтаксису и лексике.

Известны два подхода к решению проблемы происхождения алтайской общности: 1) сравнительно-исторический, исходящий из генетического родства данной семьи языков; 2) историко-типологический, не признающий родства этих языков или считающий его недоказанным. Подходы эти не исключают, а во многих случаях дополняют друг друга.

Иногда первое из указанных направлений называют традиционной, или ортодоксальной, алтаистикой, представленной известными трудами Б. Я. Владимирцова, З. Гомбоца, Г. И. Рамстедта, Н. Н. Поппе, М. Ряснянена, К. Менгеса и ряда других компаративистов [подробнее см. 1—2]. Второе направление называется при этом неоалтаистическим, и основоположником его признается В. Л. Котвич [3, с. 5 и сл.], поставивший в своем посмертно изданном труде под сомнение существование общего алтайского языка. Семью алтайских языков он считал основанной не на генетических связях, а на типологических сходствах [4, с. 351—353].

Не отрицая крупных достижений ортодоксальной алтаистики, Г. Д. Санжеев подчеркивал, что применение сравнительно-исторического метода в алтаистике «показало и доказало возможность его применения и тогда, когда при его помощи изучаются явления в языках, которые не являются изначально родственными» [3, с. 17].

Разногласия между ортодоксальными алтаистами и неоалтаистами при этом признаются м и н и м ы м и: общие элементы алтайских языков можно считать либо достоянием алтайского праязыка, либо «принадлежностью неизвестного пока происхождения» [3, с. 16].

Напомним, что применение сравнительно-исторического метода возможно только в отношении генетически родственных языков. Возможность применения этого метода — свидетельство родства, каким бы проблематичным и отдаленным оно ни было.

Так этот вопрос освещается многими «ортодоксальными» алтаистами, в том числе и такими, которые не считают проблему происхождения алтайской общности окончательно выясненной, указывая на особые трудности ее безупречного решения.

Главной из этих трудностей, как неоднократно писал Л. Лигети, является нелегкая задача разграничения элементов возможной генетической общности, следы которой обнаруживаются во всех алтайских языках, и элементов общности вторичной — результата многочисленных взаимозаимствований, происходивших на протяжении многих веков контактного развития алтайских племен и народов. «Не подлежит сомнению, — подчеркивал Л. Лигети, — что в своих сравнительно-исторических исследованиях мы должны опираться только на тот языковой материал, который в отдельных языках может рассматриваться как непосредственное продолжение алтайского языка-основы» [5, с. 135].

В статье, посвященной критике несостоятельной попытки Дж. Клоусона опровергнуть алтайскую теорию с помощью лексикостатистики [6], Л. Лигети указывал: «... именно в случае генетического родства различные алтайские языки дадут чрезвычайно низкий процент общих элементов алтайского „основного словаря“ (иначе — „базисной лексики“. — А. Н., С. О.) и чрезвычайно высокий процент элементов, относящихся к лексике после отделения языков» [7, с. 33].

Известно, что в отличие от близкого родства групп (ветвей) алтайских языков — тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской — предполагаемое родство всех алтайских языков, включая корейский, японский и, возможно, некоторые другие, может быть только весьма отдаленным, т. е. существование протоалтайского языка и время его распада следует отсчитать по крайней мере к 8—10 тыс. до нашей эры, к эпохе палеолита и ранних форм первобытнообщинного строя [1, с. 27]. Гипотетический протоалтайский язык не мог существенно не отличаться от засвидетельствованных современных и древних алтайских языков и по своему лексическому составу, и по своему грамматическому строю (изолирующий, безаффиксальный строй). Опыты реконструкции такого состояния протоалтайского языка, отразившегося в исторически засвидетельствованных группах, сопряжены с большими трудностями и не могут проводиться без опоры на имеющиеся опыты реконструкции раннего состояния языка, например, и.-е., и, возможно, других групп языков. Реконструкции такого рода необходимы для доказательства родства языков и исследования последующих состояний их эволюции. Они должны охватывать все стороны структуры языка в их материальных формах и идеальных значениях, в системе и взаимодействии всех элементов языковой структуры.

Иные пути решения проблемы предлагает Г. Дёрфер. Его дискуссионная статья [8] представляет собой далеко не новую в принципе попытку решить алтайскую проблему посредством сличения некоторой весьма ограниченной по объему части лексики из трех групп засвидетельствованных алтайских языков — слов, относящихся к названиям частей тела и включаемых в слой так называемой базисной лексики, противопоставляемой лексике культурной — типа *автомобиль, телефон, султан*, а также *дом*, поскольку «примитивные народы не имеют понятия „дом“ и вообще „жилище“» [8, с. 35].

Полагая, что только культурный слой лексики связан с определенными явлениями культуры и поэтому легко и часто заимствуется, Г. Дёрфер противопоставляет этот слой лексики лексике базисной, не связанной, по его мнению, с определенной культурой («слова, общие для всех людей»), и, видимо, поэтому не заимствуемой ни легко, ни часто.

Понятие «культура» трактуется здесь внеисторически, без всякого учета развита материальной и духовной культуры, получающей свое отражение в языке, в различных слоях его лексики. Ведь в разные эпохи (от палеолита до НТР) понятие культуры, как и сама культура, а также слои культурной лексики значительно изменялись. Изменялось и соотношение различных слоев лексики, изменялись также пути и масштабы лексических заимствований. При опытах восстановления (даже самых общих и предварительных) праязыковых состояний различной исторической глубины понятия и слова, присущие культуре цивилизованных народов, особенно народов современных, в эпохи первобытных культур механически переносить не следует. Ни автомобиля, ни телефона, ни султана, а, возможно, и дома-жилища (в нашем понимании) в эпохи существования гипотетического протоалтайского языка не было. Не могло быть поэтому и подобных заимствований. А когда они появились, никто такие заимствования при сравнительно-историческом изучении алтайских языков в расчет не принимал. Вошедшие в современные тунгусские языки народов СССР и фиксируемые в некоторых двуязычных словарях сотни слов типа *кинотеатр, телефонист(ка), дом культуры, теплотход, теплица, телятник, телевизор, телеграмма* и т. п., «поясняемые» такими же словами из русского, при характеристике дореволюционного состояния лексики этих в прошлом бесписьменных языков, их самобытной культурной и базисной лексики, в расчет не берутся. Не принимаются они в расчет и при сравнительно-сопоставительном или сравнительно-историческом изучении этих языков, хотя некоторые другие лексические заимствования отмечаются (см., например, [9, с. V]).

Не могут приниматься в расчет лексические заимствования (если это заимствования) и для более ранних эпох обособленного развития отдельных языков или диалектов, особенно если эти заимствования производи-

лись из неалтайских языков или обособленных групп алтайских, имеющих в силу разных причин лексические различия, не сводимые к общеалтайским протолексемам.

Культура (пусть в самых архаических или примитивных формах) была на всех этапах развития тех или иных этнических общностей, говоривших на тех или иных языках. Была, следовательно, и лексика, отражавшая эту культуру. Но соотношение между слоями культурной и базисной лексики могло быть принципиально иным, и при надлежащих условиях были возможны любые заимствования или смешения архаических языков. То, что входило в архаические языки этнических общностей с крайне примитивной культурой, становилось общим достоянием этих общностей и их языков, независимо от того, были ли это самобытные («свои») слова или слова заимствованные. Нелегко отделить элементы генетической общности от элементов вторичной общности в высокоразвитых языках, каковыми являются все засвидетельствованные алтайские. Еще труднее отделить эти элементы на уровне возможных заимствований в групповых праязыках — пратюркском, прамонгольском, пратунгусском, если их можно было бы реконструировать автономно, без посредства алтайской теории или хотя бы надлежащего учета материалов и исследований по всем группам алтайских языков. Пока этого не получается даже в качестве первоначальной рабочей гипотезы, как об этом писал А. Н. Конов в отношении тюркских языков [10, с. 22; 1, с. 27—28].

По-видимому, невозможно разграничить и выделить культурный слой и базисный слой лексики в архаическом общеалтайском языке, получившем, как предполагается, свое продолжение во всех известных алтайских языках в качестве элементов их общего праязыкового наследия. Маловероятно и отделение лексики исконной от лексики заимствованной на ранних уровнях праязыков групповых и общеалтайского, даже если воспользоваться приемом выделения культурной и базисной лексики в засвидетельствованных алтайских языках. Слов, которые были бы «общими для всех людей» и которые не были бы как-то связаны с определенной формой культуры, по-видимому, не бывает, как не бывает естественных языков, не связанных так или иначе с культурой на том или ином уровне ее развития. Язык — одна из форм выражения культуры, одно из средств ее развития и распространения.

Относя названия частей тела только к лексике базисной, Г. Дёрфер утверждает, что эти названия не заимствуются и поэтому являются весьма доказательными для установления родственных связей языков [8, с. 35].

Для подтверждения этого довольно сомнительного заключения автор ссылается на два противоположных вывода 10 происхождения алтайской языковой общности, построенных на анализе названий частей тела: 1) языки эти имеют много общих названий для частей тела, и поэтому они родственны (У. Пош), 2) в языках этих почти нет общих названий для частей тела, поэтому они неродственны (Дж. Клоусон).

Оставляя без конкретного разбора эти выводы и материалы, на которых они построены, Г. Дёрфер указывает, что его взгляды на проблему не совпадают ни с одним из мнений указанных авторов. Впрочем, методы Дж. Клоусона, ошибочность которых уже была показана Л. Лигети [7] и рядом других лингвистов, особенно японистом-алтаистом Н. А. Сыромятниковым [41, с. 53 сл.], Г. Дёрфер считает только «недостаточными» и стремится усовершенствовать их. Для этого он рассматривает сначала в общелингвистическом, а затем в алтаистическом плане некоторые названия частей тела, внося при этом значительные изменения в свое уже упомянутое выше заключение о невозможности заимствования названий частей тела.

Так, материалы тюркских языков Ирана, испытавших сильное влияние персидского и ставших смешанными, показывают, что определенная часть названий — всегда слова тюркского происхождения, другая часть заимствована из иранских: *kēz* ~ *gēz* «глаз» (тюрк.), но *tiža* «ресница» (иран.), *hadaq* ~ *aġag* «нога» (тюрк.), *pāšna* «пятка» (иран.) и т. п. Ссылаясь

на анализ еще 14 смешанных языков, в том числе некоторых алтайских — якутского, солонского, дагурского, маньчжурского, — автор находит, что и в этих языках не заимствуются такие слова, как *глаз*, но могут заимствоваться такие, как *бровь* или *ресница*. Из подобного рода наблюдений Г. Дёрфер делает выводы «качественного характера»: названия частей тела, которые «обычно никогда не заимствуются или заимствуются очень редко», он именует ядерными базисными словами (ЯБС), названия же, которые заимствуются довольно часто, — периферийными базисными словами (ПБС) [8, с. 37].

Автор этого деления не скрывает того, что между ЯБС и ПБС нет четкой границы и что «названия частей тела представляют собой скорее континуум» [8, с. 37].

Таким образом, вместо незаимствуемых базисных слов — названий частей тела — и поэтою весьма доказательных, как утверждалось ранее, для установления языкового родства, перед нами две группы названий: ЯБС, которые заимствуются редко, и ПБС, которые заимствуются часто. Четкой границы между ними нет. И хотя Г. Дёрфер предлагает затем четыре критерия для разграничения ЯБС и ПБС, основной его тезис об исключительной важности названий частей тела для установления или опровержения родства языков оказывается крайне шатким. Это знали и некоторые предшественники Г. Дёрфера, пытавшиеся определять родство языков по «лексическому признаку» на основании слов, не имеющих якобы отношения к культуре и обладающих поэтою особой исторической устойчивостью.

Но такая устойчивость, отмечал, например, китаист С. Е. Яхонтов, как и возможность заимствования, — понятие относительное: «любое слово может изменить значение или даже вообще выпасть из языка, будучи вытеснено синонимом..., как это произошло в историческое время с названием глаза в русском языке, головы — во французском, солнца — в китайском» [12, с. 111].

Можно предполагать, что подобные выпадения, замены или заимствования происходили и во времена доисторические. Если была насущная необходимость, такие названия могли создаваться не только своими средствами, но и заимствоваться у соседей. Следует иметь в виду, что в первую очередь назывались видимые, наружные, а не внутренние части тела, и названия эти далеко не всегда были изначально собственно анатомическими. Но это — особая историко-семасиологическая (а не «лексикостатистическая») проблема и решать ее попутно с проблемой лексических заимствований едва ли возможно.

Пока же следует сказать, что заимствоваться, подобно культурной лексике, могла и лексика базисная, будь она ядерной или периферийной. И не только лексика. Свидетельством этому могут быть прежде всего заимствования в исторические времена. Известно, что некоторые тюркские языки, особенно турецкий, развивались в свое время под влиянием арабского и отчасти персидского. Наряду с культурной лексикой в турецкий входили и осваивались им вплоть до кемалистской революции многочисленные пласты арабской лексики [13]. Современные словари фиксируют немало арабизмов и из области названий частей тела, преимущественно ЯБС. Наряду с тюрк. *göz* «глаз, око; зрение; взгляд, взор» и т. д. — *ayn* (араб.); ср. тюрк. *baş* «голова; глава, начальник» *reis* (араб.) «глава, начальник»; наряду с тюрк. *yüreğ* «сердце; душа» — *kalp* (араб.) и некот. др. [14].

Выходя за рамки алтайских языков, можно сослаться и на многочисленные арабизмы в современном персидском языке [15]: *ayn* «глаз» наряду с перс. *chāsh*; *rā's* «голова; глава, начальник» наряду с перс. *sār*; *yād* «рука» наряду с перс. *dāst*; *shā'r* «волос(ы)» наряду с перс. *mu(y)*; *gālb* «сердце» наряду с перс. *dāl* и др.

Характерно, что в числе такого рода разноязычных по происхождению синонимов (не полных, конечно) чаще употребляются ЯБС, а не ПБС. Обильные заимствования, характерные для соответствующих литературных языков, в речи образованных носителей языка употребляются, по свидетельству специалистов, довольно часто, иногда и в различного рода

устойчивых словосочетаниях: *səktə-ŋe ǵalbı* «сердечный приступ; инфаркт»; *säd rä's gusfänd* «сто голов овец» (*rä's* «голова» — как нумератив, счетное слово); турецкие терминологизированные словосочетания: *kalp atması* «сердцебиение», *kalp bilgisi* «кардиология», *kalp hastalığı* «сердечное заболевание» и т. п.

Можно, конечно, части тела разделять, как предлагает Г. Дёрфер, на видимые (наружные) и невидимые (внутренние), на более важные и менее важные и т. п. Но прямого отношения к решению алтайской проблемы подобное деление, по-видимому, не имеет. Не даст оно чего-либо надежного и для освещения вопроса о заимствованиях. При определенных условиях, например, в случаях массового и длительного двуязычия, при экономических, культурных и других контактах заимствоваться может любое слово, не исключая служебные слова и даже некоторые морфемы — корни и аффиксы. (Заимствуются при этом, конечно, с л о в а, а не изолированные корни или аффиксы.)

В плане общелингвистическом не подтверждают выводы Г. Дёрфера и известные факты русского языка. Относительно новое *глаз* из периферийного и не связанного исторически с анатомической лексикой — *glazъ* «шарик; камешек» и т. п. [16, I, с. 409] употребляется наряду с менее частотным слав. *око* (ср. *ок-но*, *оч-и*, *оч-к-и*, *оч-к-о*, *оч-н-ый* и т. п., а также заимствованное *окуляр(ы)*, *окулист*). И новое *глаз*, и старое *око* употребляются в составе многих фразеологизмов (*не в бровь, а в глаз*; *видит око, да зуб неймет*; *нужен глаз да глаз* и т. п.).

Наличие русск. *голова*, ст.-слав. *глава* не явилось препятствием для такого, например, относительно позднего заимствования, как *башка* (в современных словарях с пометой «разг.», «простореч.») из тюрк. *baş-* «голова», *baş-ka* «за голову» (дат. п. ед. ч.) (при покупке скота) [16, I, с. 139], производное *башковитый* (умный), *умная б.*, *тупая б.*, *свернуть б.*, и т. п., *баш на баш* «ровно столько же, так на так» (при обмене) [16, I, с. 138]. Ср. еще разг. *тет на тет* (*tête-à-tête*) наряду с *глазу на глаз*. Имеется немало стилистически разговорных замен для «головы» (*котелок*, *черепок*, *кочан*, *кумпол* и т. п.). Установить в подобных случаях, что здесь ЯБС и что ПБС, не очень просто. А подобного рода синонимические замены (особенно в разговорной речи и иногда в художественной литературе) имеются почти для всех ЯБС из частей тела. Возможно, что из такой замены произошло и совр. русск. *глаз* (ср. еще *зеньки* < *зеница* = *зрачок*, *глазное яблоко*, *шáры*, *бульки*, *глядделки* или даже *фáры*). При устоявшейся норме литературных языков подобные замены обычно остаются на уровне речи, на периферии языка. Но в языках дописанных (особенно на уровне пра-языков) ничто не препятствует возможным заменам, выпадениям, заимствованиям и т. д. Не свидетельствуют ли об этом случаи генетически не сводимых однозначных слов, в частности, из названий частей тела, встречающиеся в безусловно родственных языках и в языках, родство которых вполне вероятно, но еще безупречно не доказано? Ср. общетунг. *дил(и)* ~ *зил* «голова», но маньчж. *узу* «голова; глава, начало», *узу-и* «главный, первый» и т. п. из **ургу* «мозг (головной)», тунг. *иргэ* ~ *илгэ* ~ *иггэ* ~ *йгэ* ~ *йзэ* ~ *йдэ* и т. п. «головной мозг» [17, с. 272]. Выпавшее в маньчж. *дил(и)* сохранилось лишь в *зили* ~ *гили* «основание рогов у оленя», а ПБС *узу* стало «ядерным».

В современных тунгусских языках народностей СССР наряду со своим *дил(и)* «голова» широко употребительны и вошли в некоторые словари *глава* «раздел книги, рукописи», производные *оглавление*, *заглавие*, *заголовок*, *главный* (врач, бухгалтер и т. п.), *главнокомандующий*.

Общетунг. *йасал(и)* ~ *насал* (**йа-са-ла*) «глаз(а)», наряду с которым в отдельных эвенк. говорах употребляется заимствование из монг. языков *н'ундун*, то же солон. *нидо* ~ *нидэ* (ср. бурят. *нюдэн* «глаз(а)»), ср. также удэг. *ни-зигэ* «радужная оболочка глаза», маньчж. *н'он'о* (*нио-нио*) «зрачок, зеница ока» [17, с. 280]. В эвенк. восточных говорах для названия глаза употребляется якутизм *килатар* (якут. *кылытар* «зрение»), *кёламан* «зрачок. ресница(ы)» (якут. *кыламан* «ресница, веко»).

По-разному именуется зрачок: солон. *аназан* «щель», ульч. *сахарику-*

та (сахарин- «черный»), маньчж. *фаха* «ядро, косточка», н'он'о, н'он'о *фаха* «зрачок, глазочек» и т. п. [17, с. 281].

В современных тунгусских языках употребляются и некоторые заимствования из русского: ульч. *исал(и)* «глаз(а)», но *глазной* (врач, кабинет), нан. *насаптун-* «очки» («наглазники»), но также из русск. *очки, очко, заочный*.

Названия частей тела в тунгусо-маньчжурских языках и в языках алтайских, взятых в целом, были уже предметом специального сравнительного изучения [17, с. 71 сл., с. 257 сл.]. Г. Дёрфер не обратил на эти работы внимания, ограничившись лишь упоминанием статей У. Поша и Дж. Клоусона. Указанные авторы не могли учесть материалы и исследования В. Д. Колесниковой, на работы которой мы ссылались [17, 18]. В отличие от У. Поша и Дж. Клоусона, Г. Дёрфер, несомненно, знакомый с исследованиями В. Д. Колесниковой, предпочел сравнительному изучению интересующей его лексики из области названий частей тела совершенствование «слишком простой» методы Дж. Клоусона, носившей «чисто количественный характер» [8, с. 43]. Опираясь по преимуществу цифровыми данными (а не собственно лингвистическими материалами) из 14 очень разных, но смешанных языков (из различных групп), Г. Дёрфер, как он полагает, пришел к некоторым качественным выводам с помощью таких понятий, как «культурный слой» и «базисный слой» лексики, выделяемый в высокоразвитых языках современных народов, «ядерной», «периферийной» и «промежуточной» лексики в базисном слое.

Такого рода качественные статистические выводы (в процентах или в абсолютных цифровых данных) привели автора к основополагающему синтетическому выводу: названия частей тела, относящиеся к ЯБС, в современных алтайских языках (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) не совпадают. Процент совпадения по всем трем группам будет равняться нулю, в то время как в языках индоевропейских он составляет 81,8%, в картвельских — 63,7%, в семитских — 100% и т. д. Следовательно, проблемой родства алтайских языков можно больше не заниматься... [8, с. 42].

На методах установления этих показателей по материалам и.-е. языков мы остановимся особо. Здесь же напомним, что по данным, полученным В. Д. Колесниковой, некоторые соответствия между названиями частей тела в различных группах алтайских языков все же имеются, а то, что такие названия Г. Дёрфер не включает в ранг ЯБС, для далекой истории этих языков и определения природы их общности решающего значения не имеет. Таким образом, проблема остается, и ею не только можно, но и нужно заниматься.

В самом деле, может ли сопоставление 11—16 названий частей тела дать какие-либо качественные выводы, если количество наименований частей тела по отдельным языкам каждой из групп (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, а также корейской) составляет, по подсчетам В. Д. Колесниковой, в среднем 200—300 слов, а в тунгусо-маньчжурской группе их выявлено (с учетом синонимов, вариантов, заимствований и т. п.) свыше 600 [17, с. 71]?

Выявлено несколько десятков такого рода слов, имеющих общие корневые элементы во всех группах алтайских языков. К ним относятся названия «головы», «лица», «носа», «рта», «глаза», «уха», «затылка», «шеи», «грудии», «плеч», «спины», «конечностей (рук, ног)» и некот. др. [17, с. 71]. Характерно, что из многочисленных тунгусо-маньчжурских названий частей тела более 40 возводятся к общеалтайским корням, имеющим соответствия во всех трех группах или только в двух [17, с. 257]. К общеалтайским, по полученным В. Д. Колесниковой данным, восходит около 20—25% названий, в их числе ЯБС **gar* «рука» («отрасль, ветвь, сук») и некот. др. Все это позволило В. Д. Колесниковой сделать вывод о, возможно, праязыковой природе названий частей тела и, следовательно, о вполне вероятной генетической общности алтайских языков [18, с. 151].

При сравнительно-историческом изучении лексики (а без такого изучения все цифровые данные не могут иметь серьезного значения) важны

не только прямые соответствия (рука — рука, нога — нога и т. п.), но и этимологические связи, семантические гнезда, словообразовательные модели исследуемых слов. Ср. монг. *гар* ~ *гар'и* «рука(и)», тюрк. *кар* «верхняя часть руки; плечо», *кар(и)* «локтевая часть; локоть», *гары* «берцовая кость; кость голени», *хара* ~ *хары(и)* «предплечье; лучевая кость; голень; локоть», *кари-ш* «пядь» и т. п.

Общетунг. **ңала* «рука(и)». Но указанные тюрк., монг. *гар* ~ *кар* соответствуют тунгусо-маньчж. *гара* «сук, ветка; уключина; отросток, член тела, конечности (руки или ноги)» и т. п. Ср. также монг. *гишун* «ветка, сук; член тела», тюрк. *кол* «рука, кисть руки; палец; ответвление; рукав» и т. п. Ср. еще кор. *кары-да* «подразделять», *сон-каран* «палец» (*сон* «рука»), т. е. «ответвление руки».

Справшивается, можно ли признать ЯБС со значением «рука» общелтайским сквозным соответствием или обозначить его только «нулем», как это делает Г. Дёрфер во всех подобных случаях, совершенствуя лексико-статистический метод Дж. Клоусона?

Если в одних тунгусо-маньчжурских языках **пала-ган* обозначает «ногу, ступню, подошву» (то же в кор. *пал*), а в других «ладонь» (то же в монг. *алабан-*, *алга*), то разве это не свидетельство прочных этимологических связей и соответствий такого рода ныне весьма разных по значению слов?

Сопоставив два звенк. ЯБС: *алган* «нога» и *бэгди* «нога», их соответствие нетрудно признать равным нулю, не говоря уже о соответствиях с другими алтайскими словами с тем же значением. Но при иных (не лексико-статистических) методах, давно принятых в компаративистике, могут быть обнаружены соответствия и для *пал-ган* «нога, подошва, ладонь», и для *бэгди* «нога(и)». Ср. маньчж. *бэт-хэ*, чжурчж. *pü-tih-hēi* «нога(и)», тюрк. *бут* ~ *пут* «бедро; нога человека; задняя нога (животного)».

Для названия носа в несомненно родственных тунгусо-маньчжурских языках имеется немало лексем, сведение которых к одному архетипу или пралексеме совершенно невозможно. Но если к вопросу подойти не только статистически, все может стать на свои места [см. 17, с. 283 и сл.].

Мы не думаем, что с помощью анализа одних только названий частей тела, даже взятых во всем их реальном объеме и исследованных не методами Клоусона — Дёрфера, а методами алтаистов-компаративистов, можно доказать или опровергнуть родство алтайских языков. Для этого необходимо куда более полное и всестороннее исследование и корневых, и служебных морфем как в несомненно родственных, так и в гипотетически родственных всех алтайских (и не только алтайских) языках.

Непрекращающиеся попытки заменить так называемую традиционную алтаистику (отдел сравнительного языкознания) «неоалтаистикой», или «синтетической алтаистикой»: Рамstedт — тезис, Клоусон — антитезис, Дёрфер — синтезис — ничего положительного, на наш взгляд, дать не могут. Нужно серьезное исследование алтайской проблемы, а не одни количественные или качественные подсчеты того, что лежит на поверхности фактов, вне их системных связей и исторического развития.

В заключение обратимся к некоторым фрагментарным явлениям наиболее основательно исследованных компаративистами и.-е. языков, следуя (с необходимыми коррективами) концепции, предложенной Г. Дёрфером для установления (resp. опровержения) родственных связей языков. Мы полагаем при этом, что родство и.-е. языков является научно обоснованным и окончательно доказанным.

Споры двух или нескольких ученых, если они придерживаются и по этому вопросу противоположных мнений, ни в коей мере не делают их мнения одинаково верными. Плюрализация истины авторам данной статьи представляется совершенно неприемлемой по многим методологическим соображениям.

Напомним еще раз, что рассматриваемая концепция Г. Дёрфера основывается на следующих посылах:

1) среди названий частей тела существуют ядерные базисные слова (ЯБС) числом 11 (а именно: «голова», «глаз», «ухо», «нос», «рот», «язык»,

«зуб», «волос», «сердце», «рука», «нога»), изучение которых позволяет устанавливать родство языков или его отсутствие;

2) если большинство ЯБС оказываются генетически сводимыми к единым архетипам, то исследуемые языки родственны друг другу;

3) если предыдущее условие не выполнено, то языки не родственны, и вопросом этим «можно больше не заниматься».

В качестве иллюстрации действенности своей методики Г. Дёрфер демонстрирует ее применение к и.-е. материалу, сравнивая немецкие, латинские и праславянские данные. При этом обращение к праславянским реконструкциям вызвано, очевидно, намерением проанализировать как можно более древний материал, диахронно близкий к латинскому; если так, то непонятно, почему вместо современных немецких слов в параллель к латинским формам и праславянским реконструкциям не были взяты древневерхнемецкие. Если же, напротив, имелось желание осуществить подсчеты на самом продвинутом языковом срезе, тогда непонятно, почему современным немецким словам не были поставлены в соответствие, допустим, русские и французские.

Выполним требуемое сравнение с должной диахронической корректностью, — как на уровне новых языков, так и на уровне древних (взяв для анализа пару новоанглийский/древнеанглийский, поскольку ранние памятники древнеанглийского языка заметно старше древневерхнемецких).

Для начала рассмотрим факты трех современных и.-е. языков:

Русский	Французский	Новоанглийский
1. голова	<i>tête</i>	<i>head</i>
2. глаз	<i>oeil</i>	<i>eye</i>
3. ухо —	<i>oreille</i> —	<i>ear</i>
4. нос —	<i>nez</i> —	<i>nose</i>
5. рот	<i>bouche</i>	<i>mouth</i>
6. язык —	<i>langue</i> —	<i>tongue</i>
7. зуб	<i>dent</i>	<i>tooth</i>
8. волос	<i>cheveu</i>	<i>hair</i>
9. сердце —	<i>coeur</i> —	<i>heart</i>
10. рука	<i>main</i>	<i>hand</i>
11. нога	<i>jambe</i>	<i>leg</i>

Таким образом, в этих языках наблюдаются только четыре сквозных соответствия из одиннадцати (№№ 3, 4, 6, 9), т. е. явное меньшинство, не подтверждающее, по Дёрферу, родства сравниваемых языков.

Картина слегка меняется, если обратиться к данным более древних состояний:

Старославянский	Латинский	Древнеанглийский
1. глава	<i>caput</i>	<i>heafod</i>
2. око —	<i>oculus</i> —	<i>eāge</i>
3. ухо —	<i>auris</i> —	<i>eāre</i>
4. носъ —	<i>nāsus</i> —	<i>nōsu</i>
5. уста	<i>ōs</i>	<i>mūð</i>
6. ѡзъкъ —	<i>lingua</i> —	<i>tunge</i>
7. зъбъ	<i>dens</i>	<i>tōð</i>
8. вѣсь	<i>pilus</i>	<i>hær</i>
9. срѣдце —	<i>cor</i> —	<i>heorte</i>
10. рѣка	<i>manus</i>	<i>hond</i>
11. нога	<i>crūs</i>	<i>sconken</i>

Здесь мы видим уже не четыре, а пять сквозных соответствий (№№ 2, 3, 4, 6 и 9), что, впрочем, также представляет собой меньшинство, недостаточное, по Дёрферу, для доказательства родства этих несомненно родственных языков. Напомним, что, по подсчетам Г. Дёрфера, на и.-е. материале сквозные соответствия для ЯБС составили 81,8%.

Вдумаемся, однако, в тот факт, что количество сквозных соответствий изменилось за ту тысячу с лишним лет, которые отделяют современные данные от древних. Значит ли это, что в древности три сопоставляемых языка были более родственными, а теперь стали менее род-

ственными? Или это должно означать, что на протяжении веков уменьшилась степень их индоевропейского происхождения?

Сопоставляя приведенный русский список ЯБС со старославянским, французский с латинским, новоанглийский с древнеанглийским, мы обнаруживаем, что современные названия «базисных» частей тела в ряде случаев восходят к прежним названиям «небазисных»: так, франц. *bouche* «рот» произошло из лат. *bucca* «щека», франц. *jambe* «нога» — из народно-лат. *gamba* «копыто», в других случаях новые ЯБС возникли из слов, вообще не денотировавших частей тела: русск. *глаз* — из слова, в древности означавшего «камышек» (ср. *галь-ка*, *гол-ыш*), русск. *рот* — из праслав. слова, значившего «круглое острие, круглая чурка», новоангл. *leg* — из прагерм. лексемы, родственной лат. *laccēō* «ударяю» и греч. *λακίζω* «лягаю».

Подобное развитие слов с семантикой названий частей тела происходило и в еще более древние времена. Так, если обратиться к этимологиям ст.-слав. *рѣка*, лат. *manus* и др.-англ. *hond*, то мы получаем для них следующие архетипы: ст.-слав. *рѣка* из позднеиндоевропейского (ПИЕ) **uṛonk-* «сгибать» (ср. древнеславянское *uṛā* «угол», др.-ирл. *ferc* «горб»), лат. *manus* «рука» из ПИЕ **ma-r/n-* «держатъ, удерживать» (ср. алб. *marr* «беру, захватываю», хет. *maniqahh-* «держатъ во власти, управлять»), др.-англ. *hond* «рука» из прагерм. **handus*, связанного с гот. *hinjan* «хватать» (причем сколько-нибудь надежной ПИЕ этимологии у этих германских основ вообще не имеется).

С другой стороны, слова, безусловно являвшиеся названиями частей тела из группы ЯБС, по прошествии тысячелетий перестают быть таковыми: лат. *caput* «голова» перешло в новofранц. *chef*, имеющее смысл «начальник» или «основной пункт», по ни в коем случае не «голова». ПИЕ **dāus-* «рука», в санскр. *dōṣ-* еще сохранявшее свое праязыковое значение, в лтш. *pa-duse* уже означает «подмышку», т. е. понятие, не входящее в 11 элементов из списка Г. Дёрфера. ПИЕ **gāu-* «рука», выступающее с сохранением этой семантики в авест. *gavō*, мы находим в литов. *gūvis* уже со значением «проворный, бойкий». Наконец, ПИЕ **g'hēr-* «рука», в дорич. *χῆρς* еще показывающее исконную семантику, в санскр. *harita-* получило значение «захваченное».

Итак, и.-е. слова, являющиеся названиями частей тела вообще и принадлежащие к группе ЯБС, выделенной Г. Дёрфером, в частности, обнаруживают исторические свойства:

1) некоторые из них с течением времени становятся такими названиями, возникая из лексем, либо ранее не входивших в группу ЯБС, либо вообще не денотировавших никакой части тела;

2) некоторые из них с течением времени перестают быть такими названиями, либо превращаясь в «периферийные» названия частей тела, т. е. не относящиеся к ЯБС, либо совсем выходя за пределы анатомической семантики;

3) в целом мера общности названий частей тела для и.-е. языков постоянно убывает, с течением времени опустившись ниже того количественного порога, который решает вопрос о родстве согласно критерию, предложенному Г. Дёрфером.

Из всего сказанного следует сделать вывод:

- 1) либо новые и.-е. языки перестали быть родственными друг другу;
- 2) либо концепция Г. Дёрфера неверна.

Думается, что вообще неправильно исходить из какого-то заранее заданного списка сем, проверяя по нему — и только по нему — родственные отношения между языками. И дело тут совершенно не в удачном или неудачном выборе лексической группы: никакое ограниченное семантическое поле не обладает теми инвариантными или почти инвариантными свойствами, на которые можно было бы опереться, работая с такого рода концепциями. (Ср. лексикостатистический метод, примененный Дж. Клоусоном, оперировавшим списком в 100 основных (базовых) и 100 дополнительных (периферийных) лексем [6, с. 28].)

Для установления родства между языками необходимо учитывать их

лексическое богатство полностью, руководствуясь при этом строгими фонетическими законами в плане выражения и допустимыми смысловыми корреляциями в плане содержания. При этом наибольшей доказательной ценностью обладают лексические (корневые) соответствия, выявленные на уровне д а л ь н е й внутренней реконструкции.

Например, из трех ПИЕ основ со значением «рука», приведенных выше, а именно **dəus-*, **gəu-*, **g'h̄r-*, первые две сами по себе имеют меньшую доказательную значимость, поскольку они представляют собой производные образования с исторически сдвинутыми значениями: **dəus-* от корня **də-* «давать» («рука» — «дающая»), **gəu-* от корня **gə-* «лепить из комка глины» («рука» — «лепящая»). Напротив, ПИЕ **g'h̄r-* «рука» имеет близкородственную форму в виде ПИЕ **g'hest-* с тем же значением, сохраненным в виде санскр. *hasta-*. Сравнивая ПИЕ **g'h̄r-*, т. е. более раннее **g'h̄ar-*, и ПИЕ **g'hest-*, т. е. более раннее **g'h̄aést-*, мы обнаруживаем существование раннеиндоевропейского (РИЕ) корня **g'h̄a-*, обозначающего «кисть руки» [19, с. 36].

Наличие основ, производных от этого РИЕ корня, во всех двенадцати и.-е. языковых группах является одним из многих доказательств глубинного родства между ними. Вместе с тем решительно никакой роли не играет то обстоятельство, что большинство производных от указанного РИЕ корня еще в ПИЕ эпоху вышло за пределы семантического поля названий частей тела.

Иначе говоря, и.-е. языки родственны не потому, что в них более или менее сходны слова из круга ЯБС, предложенного Дёрфером, а потому, что их древнейшие лексические (корневые) единицы были тождественными, и это корневое родство остается неубывающим, несмотря на все позднейшие фонетические дивергенции и последующие семантические сдвиги.

Если спорят два или несколько ученых, придерживающиеся противоположных взглядов на один и тот же предмет, то правыми из них могут быть далеко не все. Истина конкретна, но быть одинаково истинными противоположные суждения не могут.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сунник О. П. К актуальным проблемам алтаистики. — ВЯ, 1976, № 1.
2. Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Отв. ред. Сунник О. П. Л., 1978.
3. Санжеев Г. Д. В. Л. Котвич — пионер нового направления в алтаистике. — В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Ред. Биткеев П. Ц. М., 1975.
4. Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
5. Лигети Л. — ВЯ, 1955, № 5. — Ред. на кн.: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953.
6. Клаусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории. — ВЯ, 1969, № 5.
7. Лигети Л. Алтайская теория и лексикостатистика. — ВЯ, 1971, № 3.
8. Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема. — ВЯ, 1981, № 4.
9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Отв. ред. Цинциус В. И. Л., 1975; Т. II. Л., 1977.
10. Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968.
11. Сыромятников Н. А. Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Отв. ред. Сунник О. П. Л., 1971.
12. Яхонтов С. Е. Лексика как признак родства языков. — В кн.: Проблема общности алтайских языков.
13. Иванова С. Н. Арабизмы в турецком языке. Л., 1973.
14. Турецко-русский словарь. М., 1977. Ред. Мустафаев Э. М.-Э., Старостов Л. Н.
15. Персидско-русский словарь. Сост. Миллер Б. В., М., 1953.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перев. с нем. и доп. Трубачева О. Н. Т. I—IV. М., 1964—1973.
17. Колесникова В. Д. (1) Названия частей тела человека в алтайских языках; (2) К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Отв. ред. Цинциус В. И. Л., 1972.
18. Колесникова В. Д. О названиях частей тела в алтайских языках. — В кн.: Проблема общности алтайских языков.
19. Андреев Н. Д. Типология раннеиндоевропейской прамовы. — Мовознавство, 1976, № 6.